

Abstract. The article discusses the features of the struggle of the censorship committee with the Russian public thought in accordance with the Censorship Statute of 1865 and its subsequent amendments after the death of Alexander II and the revolution of 1905–1907. The Russian periodical press in this period was administratively and legally responsible. The censors used mainly the administrative methods of punishment as the sanctions for the publication of the prohibited periodical materials: penalties, suspension and closure of publications were used. The authors refer to the first trials, initiated for the edition of the periodical press in Russia. During the Revolution of 1905–1907 government has abolished the administrative responsibility, retaining only the judiciary one. However, later on the censorship authorities actively used the material instruments of pressure on the periodical press.

Keywords: censorship, censorship committee, public thought, responsibility, justice, judicial process, reform

УДК: 94(47).082:070.48

ВИНОГРАДОВА Наталья Николаевна — к.и.н., доцент кафедры русского языка и документалистики Волгоградского государственного университета; заведующий научно-библиографическим отделом НБ ВолГУ (400062, Россия, г. Волгоград, Университетский пр-кт, 100; vinogradovann@rambler.ru)

«МАСКАРАДНАЯ ОРГИЯ»: РАДИКАЛЬНАЯ ПРЕССА О КОРОНАЦИИ АЛЕКСАНДРА III

Аннотация. Чтобы быть легитимной, власть должна порождать и поддерживать веру в то, что существующие политические институты более всего подходят для данного общества. Выбор Александром III сценария власти, ориентированного на допетровскую эпоху, предопределил дальнейшую трагическую судьбу российской монархии. В этой связи особый интерес представляют оценки коронации и государя в радикальной прессе. Анализ публикаций в газете «Общее дело» и «Вестнике Народной воли» показывает неоднозначное отношение радикального лагеря к институту монархии и свидетельствует о том, что процесс десакарализации монархической власти в России второй половины XIX в. был необратим.

Ключевые слова: коронация, монархия, радикальная пресса, критика власти, легитимность власти, Александр III, Россия

Одним из ключевых вопросов для любой действующей политической власти является вопрос ее легитимности. По мнению С.М. Липсета, как только политическая система теряет способность порождать и поддерживать веру в то, что существующие политические институты больше всего подходят для данного общества, она становится нелегитимной¹. Именно поэтому политическая элита должна постоянно трудиться над формированием актуального образа власти и действующей политической системы. Однако проблема заключается в том, что можно либо действительно актуализировать действие политических институтов, либо насаждать определенный образ власти, выдавая его за актуальный. Как только власть выбирает второй вариант, процесс ее падения становится вопросом времени. Это подтверждается многочисленными историческими примерами, в т.ч. и трагедией российской монархии.

На первый взгляд кажется парадоксальным, что Александр II — император, освободивший крестьян и начавший кардинальные преобразования в стране, пережил не одно покушение и в результате был убит народовольцами. Однако его ошибка (и трагедия) состояла в том, что он был разочарован результатами реформ и начал их сворачивание. Общество легче переносит даже тяжело идущие реформы, чем отказ от них, т.к. пока идут преобразования сохраняется надежда на улучшение и перемены.

Александр III не поддерживал проевропейский сценарий власти отца и считал, что причина трагедии заключалась именно в отказе от национального мифа.

¹ Легитимность. — *Словари и энциклопедии на Академике : сайт*. Доступ: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/politology/1601> (проверено 16.02.2015).

Поэтому его сценарий власти (а впоследствии – и Николая II) был ориентирован на допетровский период, что не отвечало требованиям эпохи.

После трагической смерти Александра II общество затаилось в напряженном ожидании нового лица власти: «страна замерла, молодые горячие головы присмирели, протесты <...> прекратились. Деятельность общественных сил направилась исключительно на преследование материальных интересов» [Савельев 1917: 93]. Одни полагали, что свободы будет больше (еще свежи были в памяти конституционные проекты); другие считали, что правление Александра III отодвинет Россию на целое столетие.

Б.В. Ананьич и Р.Ш. Ганелин колебания Александра III и Николая II при выборе политического курса в первые месяцы после вступления на престол объясняют боязнью народных выступлений [Ананьич, Ганелин 1991: 97]. Однако, несмотря на первоначальные сомнения, Александр III в своем политическом курсе сумел определиться достаточно быстро. Уже весной 1881 г. он точно знал, что все разговоры о конституции останутся только разговорами. Попав под влияние К.П. Победоносцева, Александр III порвал свои отношения с графом М.Т. Лорис-Меликовым, сообщив ему в письме от 30 апреля 1881 г.: «К сожалению, в последнее время мы разошлись совершенно с Вами во взглядах»¹.

В высочайшем манифесте от 29 апреля 1881 г., который был составлен К.П. Победоносцевым втайне от М.Т. Лорис-Меликова и других министров, было заявлено о вере «в силу и истину самодержавной власти, которую Мы призваны утверждать и охранять для блага народного без всяких на нее поползновений»².

Тем не менее с коронацией Александр не торопился. Всерьез опасаясь новых попыток покушения на императора, правительство поддержало организацию «Священной дружины» [Сенчакова 1967; Зайончковский 1978; Пелевин 2005; Лурье 2006], которая должна была любыми способами обеспечить безопасность государя.

По воспоминаниям В.Н. Фигнер, И.И. Воронцов-Дашков признавал, что рамки общественной деятельности должны быть расширены и правительство готово вступить на путь реформ, однако оно не может этого сделать, находясь под постоянной угрозой террора. Он предложил приостановить террористическую деятельность до коронации, а при выполнении этого условия пообещал, что во время коронации будет издан манифест, дающий политическую амнистию, свободу печати и мирной пропаганды [Фигнер 1932: 334]. В доказательство своих слов правительство предложило выпустить кого-либо из заключенных.

Народовольческая партия была ослаблена еще в начале 1882 г. после ряда арестов. Члены исполнительного комитета, которые не были арестованы, находились за границей, и сил на то, чтобы вести активную террористическую деятельность, партии явно не хватало. После арестов в течение целого года не выходили ни «Народная воля», ни «Листки Народной воли». Партия активизировала свою деятельность в начале 1883 г., когда была назначена дата коронации.

Коронации Александра III ждали все, с тем чтобы до конца прояснить ситуацию. До коронации общество могло сохранять некоторые иллюзии, питать надежды, строить предположения. Так, Н.П. Игнатъев писал в воспоминаниях: «...каждому разряду недовольных и жаждущих изменения чего-либо существующего предсказывается то, что желается к коронации: либералам – конституция, евреям – полное равноправие, полякам – уравнение и льготы, крестьянам – передел земли» [Игнатъев 2000: 155].

На наш взгляд, можно говорить о том, что коронация, проведенная в мае 1883 г., завершила выход власти из кризиса, т.к. правительство решилось и смогло провести торжество без каких-либо потрясений. В этом плане Н.А. Троицкий, отмечавший, что принятые чрезвычайные меры (многочисленные войска, цепи часовых, шпионы и т.д.) делали поездку на коронацию похожей «на вояж завоевателя по чужой, только что оккупированной и еще не усмирненной стране» [Троицкий 1979:

¹ Переписка Александра III с графом М.Т. Лорис-Меликовым. – *Красный архив*. 1925. № 8. С. 128.

² Там же. С. 131.

29], прав лишь отчасти, т.к. реальных сил противостояния в стране на тот момент не было, а определенная часть общества все же связывала с коронацией надежды на перемены.

Существующие разногласия в обществе четко прослеживаются на страницах печати. Консерваторы акцентировали внимание на народной любви к императору и активно пропагандировали национальный миф. Либералы выражали надежды на возможность преобразований. Радикалы же особое внимание уделили анализу слабых мест новой власти, их публикации отличались резкой критикой и яркими, хлесткими образами. Несмотря на то что к 1883 г. радикальный лагерь был значительно ослаблен, его лидеры использовали коронацию как возможность для выражения своей социальной позиции.

Так, умеренно-радикальная газета «Общее дело»¹ под редакцией Николая Андреевича Белоголового еще задолго до коронации стала присматриваться к этой теме. Журналисты не оставили без внимания ни «Священную дружину», назвав ее членов слишком подлыми и глупыми для роли шпионов²; ни «трусливую нервозность коронуемого монарха»³. Не менее интересна и оценка самой коронации. Говоря о том, что новый 1883 г., несомненно, принесет коронацию царя, журналисты спрашивают: «Но какой толк для будущего России от этого помазания? Царь — не колесо, которое, будучи помазано, начинает от того вертеться без скрипа и быстрее»⁴.

И если консерваторы активно пропагандировали «новый» образ власти (ориентированный на допетровский период)⁵, то радикальная пресса писала об этом с сарказмом: «Во многих головах при этом должна была проскользнуть мысль, что вся обыденная русская жизнь с ее внешними европейскими формами скорее изображает из себя маскарад... и костюмы XVII века ближе подходят к действительности, а также к нравам и мировоззрению всех собравшихся здесь царских слуг»⁶.

После коронации критика усилилась и сменилась угрозами в адрес царя и его ближайшего окружения. Вышедший в июле очередной номер «Общего дела» был полностью посвящен анализу прошедших праздников. По мнению редакции, коронация не принесла ничего хорошего, но поставила Россию перед выбором: революция или разложение и смерть⁷.

В своих статьях журналисты всячески пытались создать образ именно разлагающейся монархии, используя самые хлесткие эпитеты. Так, самодержавие объявлялось «устарелой блудницей» с «дряхлыми прелестями», император сравнивался с «китайским деревянным кумиром, облепленным сусальным золотом»⁸, а сама церемония — «маскарадной оргией»⁹.

Особенно остро проявилась позиция Н.А. Белоголового при анализе коронационного манифеста. Милости, предоставляемые в экономической части документа, по мнению журналистов, не могли быть названы даже милостыней, т.к., списывая безвозвратные долги, правительство тем самым признавало, что те налоги, которые все же удалось собрать, являются «последними грошами, выбиваемыми посредством телесных истязаний и угроз у народа разоренного и обнищавшего»¹⁰.

Политическая же часть манифеста, по мнению редакции, была настолько «мило-

¹ Стоит отметить, что ряд специалистов относят данное издание к либеральным. См., напр.: Итенберг Б. Николай Андреевич Белоголовый: «Только конституция возводит жителей государства в народ...». — *Фонд «Русское либеральное наследие»: сайт*. Доступ: http://www.rusliberal.ru/full/publikacii_dokladi/nikolaj_andreevich_belogolovij_tolko_konstituciya/ (проверено 18.07.2014).

² Корреспонденция из России. — *Общее дело*. 1882. № 48. С. 4.

³ Хроника. — *Общее дело*. 1882. № 48. С. 8.

⁴ Хроника. — *Общее дело*. 1883. № 52. С. 12.

⁵ См., напр.: На священное коронование: стихотворения [М.В. Юзефовича, А.А. Фета, А.Н. Майкова, К.К. Случевского]. — *Русский вестник*. 1883. Т. 165. С. 292-301.

⁶ Хроника. — *Общее дело*. 1883. № 53. С. 4.

⁷ После коронации. — *Общее дело*. 1883. № 54. С. 1.

⁸ Хроника. — *Общее дело*. 1883. № 54. С. 5.

⁹ Корреспонденция. — *Общее дело*. 1883. № 54. С. 12.

¹⁰ Милостивый манифест. — *Общее дело*. 1883. № 54. С. 1.

стива», что могла сравниться только с баснями И.А. Крылова. Общая оценка, данная царской милости, выражалась следующей фразой: «гора, родившая даже не мышь, а мышинный помет»¹.

Заканчивалась же статья, посвященная манифесту, своего рода пророчеством: «Близится час, когда чувство человеческого достоинства и национальной чести пробудится, наконец, в русских людях и все это проклятое здание самодержавного произвола, созданное нашим невежеством и теперь поддерживаемое общественным малодушием, рухнет. Тогда не мы, не общество будут нуждаться в амнистии, а цари»². Здесь следует обратить внимание, что авторы видели проблему не только в самой власти, но и в «невежественном», «малодушном» обществе.

Используя адаптированный перевод стихотворения Г. Гейне «Кобес I», журналисты «Общего дела» задавали основной вопрос: «К чему же цари нам и блохи, друзья? / Старинное платье истлело...». Ответ для них был очевиден и содержался здесь же: «И новому времени новый костюм / Потребен для нового дела!». Власть должна меняться в соответствии с требованиями времени.

Примечательно, что Александр III подвергался критике не только как монарх, но чаще всего именно как личность. Отмечались его заурядность и будничность, сопровождавшиеся «куриной слепотой». Императора также обвиняли в том, что, будучи слабым политиком, он предоставил управление ближайшему окружению. В этой связи журналисты «Общего дела» не упустили возможность опубликовать в номере, посвященном коронации, остроумную и несколько ироничную статью «Коронованная лошадь (Важное открытие)»³, в которой доказывалось, что Александр III не может быть ни императором, ни человеком, а является на самом деле лошадью. Логика представленных аргументов была жесткой: не видно следов управления Александра (страну только угнетают и обкрадывают); нельзя сказать, что Александр царствует, т.к. он живет невидимкою; никто не знает, какие убеждения и мнения присущи Александру как человеку.

Продолжая эту цепочку доказательств, автор удивляется тому, как может выносить человек быструю смену при дворе людей, взаимно отрицающих друг друга (М.Т. Лорис-Меликов, Д.А. Толстой и Н.П. Игнатьев). Выводы просты: он их не «выносит», а просто «носит», потому что они на него садятся; следовательно, Александр III – лошадь.

Предлагались и варианты решения судьбы столь оригинальной «лошади»: «...если нам надоела лошадь, то надо сбыть ее с рук, продать или просто, хорошенько нахлеставши, угнать ее куда-нибудь за границу; а если мы обойтись без лошади не можем, то остается только сесть на нее самим и, потянувши уздечку, поехать куда надобно»⁴. Примечательно, что в этой аллегории автор предлагает, помимо указанных выше путей развития (революция или разложение и смерть), третий вариант – реформы («потянувши уздечку, поехать куда надобно»). Безусловно, авторы понимали, что нельзя безболезненно «отделить» друг от друга русский народ и самодержавие. И хотя преимущественно позиция «Общего дела» была непримирима с политикой существующей власти, в статьях не содержались какие-либо открытые призывы к борьбе против самодержавия. Здесь мы возвращаемся к вопросу об актуализации образа власти и действующих институтов («И новому времени новый костюм потребен для нового дела!»). Н.А. Белоголовый не был сторонником радикальных мер и считал, что стихийная революция может привести к усилению реакции со стороны правительства⁵, а потому, по всей видимости, допускал возможность сохранения монархии, но со значительными ограничениями.

Похожие интонации встречаются и в изданиях «Народной воли». В апреле 1883 г. отдельным тиражом вышла передовая статья «Вестника Народной воли» «По поводу

¹ Там же. С. 7.

² Там же. С. 4.

³ Коронованная лошадь (Важное открытие). – *Общее дело*. 1883. № 54. С. 14–15.

⁴ Там же. С. 15.

⁵ Более подробно см.: Итенберг Б. Указ. соч. Доступ: http://www.rusliberal.ru/full/publikacii_dokladi/nikolaj_andreevich_belogolovij_tolko_konstitutciya/ (проверено 18.07.2014).

коронации» (она известна также под названием «Чего нам ждать от коронации»)¹. Здесь присутствовали все те же приемы: отмечались трусость царя, усиление мер безопасности и шпионажа; делался особый акцент на бедственном положении народа; противопоставлялась скупость царя на милости для народа безграничной роскоши праздников и т.п.

Своей статьей С.Н. Кривенко хотел предупредить напрасные ожидания общества и в то же время иронизировал по поводу этих чаяний. Автор сравнивал подобные надежды с возможностью того, что вырастут «на снегу ананасы и разбойники превратятся в апостолов»².

Здесь явно прослеживается позиция радикальных сил, которые в тот момент критиковали не только власть, но в определенной степени и общество, которое, по их мнению, не было готово расстаться с существующим режимом. Необходимо было подготовить почву, показывая все минусы власти, с тем чтобы зародить семя сомнения среди основной массы населения. Для этого использовались самые различные приемы, начиная от критики правительства («ни одного не запятнанного имени, ни одной светлой личности, ни одного государственного ума»³) и заканчивая жуткими картинками из жизни народа: «Где, кроме России, матери заражали детей дифтеритом, а отцы оставляли связанных детей на кладбище на голодную смерть. <...> мать должна была съесть своего ребенка для утоления голода, а умирающий по той же причине мальчик грыз собственную ногу...»⁴.

Понимая, что народ не готов к решительным действиям, народовольцы могли только возлагать надежды на то, что политика угнетения общества, в конце концов, вызовет ответную реакцию, что «час расчета настанет <...> время возмездия приближается»⁵.

Летом 1883 г. в «Вестнике Народной воли» была опубликована статья Льва Тихомирова, освещающая уже прошедшие коронационные события⁶. Здесь едва ли не основное место было отведено примерам, свидетельствующим о трусости императора. Возвращаясь неоднократно к этому вопросу, автор подчеркивал, что царь боится своего народа, а следовательно, встает вопрос: может ли такой государь править этим народом? Если во время переезда царя в Москву был застрелен мужик только за то, что не смог остановить плот на реке; если каждый, кто хотел присутствовать на праздниках, должен был предварительно передать о себе все сведения в полицию; если роль народа во время коронации исполняли 20 000 молодчиков, аттестованных полицией, — о каком же священном союзе царя и народа могла идти речь?

По мнению Л.А. Тихомирова, и со стороны народа можно было наблюдать пренебрежение к священному празднику. Он полагает, что пресловутые восторги народа, который стремился получить на память жетон или объявление о коронации, на самом деле имели «экономическую подкладку», т.к. некоторые из тех, кому удалось получить подобные трофеи, продавали их тем, кто не хотел мять бока в толпе⁷.

С другой стороны, общество вновь было подвергнуто критике за поддержку существующего режима. По мнению Л.А. Тихомирова, именно убеждение в популярности царизма и в преданности народа повергает правительство окончательно в реакцию. Отсюда и скупость на милости в коронационном манифесте; и продворянский курс, намеченный речью императора во время обеда волостных старшин и предводителей дворянства; и общий крепостнический дух всей правительственной программы, показанной во время коронации.

Выводы Льва Тихомирова носили вполне народовольческий характер: «...приходится сказать, что если бы даже и революция не способна была ничего сделать,

¹ [Кривенко С.Н.] *По поводу коронации*. СПб. 1883.

² Там же. С. 3.

³ Там же. С. 9.

⁴ Там же. С. 10.

⁵ Там же. С. 6.

⁶ Тихомиров Л.А. 1883. Внутреннее обозрение. Новое царствование. — *Вестник Народной воли*. № 1. С. 105-121.

⁷ Там же. С. 113.

она не может все-таки не возникнуть»¹. И далее: «События идут своим чередом, в затхлом и удушливом воздухе накапливается электричество, и — тем хуже для слепых, когда разразится гроза, и они окажутся в глухой степи, одинокими, без защиты от бури, без громоотвода против сверкающей молнии»².

Однако уже в 1886 г. Лев Александрович Тихомиров отошел от народовольческого движения и стал апологетом монархии, признав, что революционной России в смысле серьезной сознательной силы не существует и полагаться необходимо только на русский народ, не ожидая ничего от революционеров [Смолин 1997: 10]. Возможно, данное решение Тихомирова было также связано с осознанием того, что для русского народа идея самодержавной власти продолжала оставаться основой жизни. И менять надо было не форму правления, а образ российского самодержавия.

«Сценарий власти» [Wortman 1995], выбранный Александром III, не отвечал требованиям второй половины XIX в. Транслируемый в массы образ власти был консервативен, т.к. его прообразы находились в допетровской Руси. Общественные силы восприняли это отрицательно. И если либералы только напоминали императору, что свертывание реформ привело к гибели Александра II, то радикалы жестко критиковали власть за избранный курс. Чрезмерное же усиление консерваторами акцентов на религиозной стороне коронации свидетельствует о том, что процесс десакрализации монархической власти был необратим.

Очевидно, судьба российской монархии могла сложиться иначе, откажись Александр III от столь консервативного сценария. Ведь и либеральные слои, и радикалы давали монархии шанс при условии, что она будет меняться в соответствии с требованиями времени, прислушиваться к общественным силам и активно взаимодействовать с ними.

Список литературы

Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. 1991. Кризис власти в России: Реформы и революционный процесс. 1905 и 1917 годы. — *История СССР*. № 2. С. 96-106.

Зайончковский П.А. 1978. *Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в.* М.: Мысль. 288 с.

Игнатъев Н.П. 2000. *Земский Собор*. СПб.; Кишинев: Нестор. 191 с.

Лурье Ф. 2006. *Политический сыск в истории России: 1649–1917*. М.: Центрполиграф; СПб.: Мим-Дельта. 398 с.

Пелевин Ю.А. 2005. «Священная дружина» против народовольческой эмиграции. — *«Будущего нет и не может быть без наук...»*. М.: Изд-во МГУ. С. 604-634.

Савельев А.А. 1917. Два восшествия на престол русских царей: из воспоминаний земского деятеля. — *Голос минувшего*. № 4. С. 92-101.

Сенчакова Л.Т. 1967. «Священная дружина» и ее состав. — *Вестник МГУ*. Сер. 9: История. № 2. С. 62-75.

Смолин М.Б. 1997. [Вступительная статья]. — Тихомиров Л.А. *Критика демократии*. М.: Ред. журн. «Москва». С. 5-20.

Троицкий Н.А. 1979. *Царизм под судом прогрессивной общественности: 1866–1895 гг.* М.: Мысль. 350 с.

Фигнер В.Н. 1932. Из политической жизни 80-х годов. — *Полное собрание сочинений*. В 7 т. Т. 5. *Очерки, статьи, речи*. М.: Изд-во общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев. С. 331-350.

Wortman R.S. 1995. *Scenarios of Power. Myth and Ceremony in Russian Monarchy. V.I. From Peter the Great the Death of Nicholas I*. NJ: Princeton University Press. 605 p.

VINOGRADOVA Natalija Nikolaevna, *Cand.Sci.(Hist.)*, Associate Professor of the Department of the Russian Language and Documentation, Volgograd State University; Head of the Scientific and Bibliographic Department of Scientific Library VolSU (Universitetskij av., 100, Volgograd, Russia, 400062; vinogradovann@rambler.ru)

¹ Там же. С. 119.

² Там же. С. 121.

«MASGUERADE ORGY»: THE RADICAL PRESS ABOUT THE CORONATION OF ALEXANDER III

Abstract. In order to be legitimate the authority should generate and maintain the belief that current political institutions are the most suitable for a present society. The choice by Alexander III of the scenario which was oriented on the pre-Petrine time predetermined further tragic fate of the Russian monarchy. Thereby, the special interest was given to the evaluation of the coronation of the Emperor in the radical press. The analysis of the publications in the newspapers «Obshhee delo» and «Vestnik Narodnoj voli» demonstrates the ambiguous position of the radical press to the monarchy institution, and indicates that the desecralization process of the monarchical authority in the second half of the 19th century in Russia was irreversible.

Keywords: coronation, monarchy, radical press, criticism of authorities, legitimacy of authorities, Alexander III, Russia

---

АБЫЛКАЛИКОВ Салават Иргалиевич – аспирант кафедры демографии, младший научный сотрудник научно-учебной лаборатории социально-демографической политики Института демографии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (101000, Москва, ул. Мясницкая, 20; sabyalkalikov@yandex.ru)

ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В РОССИИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX вв.

Аннотация: Стремительное увеличение численности населения в пореформенное время в преимущественно крестьянской стране с экстенсивным способом земледелия вызвало масштабный аграрный кризис в европейской части страны. Тремя основными миграционными потоками, снижавшими нарастающее демографическое давление, стали колонизация слабо освоенных земель на окраинах страны; отхожие промыслы, а также переселение в города, во многом начинающееся именно с отхожих промыслов.

Ключевые слова: колонизация, миграция населения, переселение, демографический переход

Колонизация, т.е. присоединение и заселение слабо освоенных и малонаселенных окраинных земель, всегда играла большую роль в истории России. В.О. Ключевский отметил, что «история России есть история страны, которая колонизируется». На протяжении многих столетий происходил процесс расширения территории Российского государства, затем переходивший в стадию ее освоения. При этом стоит отметить важную особенность отечественной колонизации: в XVIII–XIX вв. переселенческих контингентов не хватало для заселения довольно благоприятных для проживания и ведения крестьянского быта степей Новороссии и Дикого поля, для этого привлекались жители зарубежных стран – болгары, сербы, молдаване, гагаузы, армяне, греки, искавшие в России защиту от турецких притеснений. Также на эти территории и позднее, во второй половине XVIII в., – в Поволжье заселялись немцы. Всего спустя столетие наиболее заселяемыми стали территории Сибири и Дальнего Востока с куда более суровыми природными условиями, причем уже по причине исчерпания других, более близких к европейской части России свободных земель. Откуда же на рубеже XIX–XX вв. взялись эти многочисленные переселенческие контингенты, и почему их не было раньше? Все дело в значительных демографических сдвигах, происшедших в пореформенный период в России. Обратимся к теории демографического перехода.

Благодаря снижению смертности, особенно младенческой и детской, все большее число рождающихся детей доживают до возраста родителей, в результате чего каждое предшествующее поколение замещается последующим с большим численным превышением. При этом рост численности населения все более и более ускоряется. В большинстве случаев снижение рождаемости начинается спустя более или менее длительное время после снижения смертности – в процессе демографического перехода население проходит через период небывало быстрого роста. Численность